

Научная статья

УДК 398.2(=511.45):929

DOI 10.17223/18137083/95/2

Взаимодействие удмуртской фольклорной традиции и авторского творчества в песенной автобиографии Марии Павловны Никоновой

Николай Владимирович Анисимов¹
Ирина Вячеславовна Пчеловодова²

¹ Эстонский литературный музей
Тарту, Эстония

¹ Удмуртский государственный университет
Ижевск, Россия

² Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук
Ижевск, Россия

¹ kyldysin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6060-3562>

² orimush@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5553-0100>

Аннотация

Статья посвящена исследованию творческого наследия удмуртской песенницы Марии Павловны Никоновой, чьи произведения представляют уникальный синтез традиционных удмуртских культурных канонов и индивидуального авторского подхода. Анализ автобиографических песен, отражающих ключевые этапы жизни Никоновой, раскрывает взаимосвязь ее личной судьбы с историческим, социальным и культурным контекстом удмуртской деревенской жизни. Используя биографический, текстологический, сравнительно-сопоставительный, контекстуальный и этнографический методы, авторы выявляют традиционные и индивидуальные ракурсы отражения жизненного опыта, исторических реалий и этнокультурных представлений в песенной автобиографии исполнительницы. Творчество М. П. Никоновой подчеркивает значимость личности в сохранении этнокультурной идентичности в условиях глобализации, а ее песни выступают мемориальными текстами, сохраняющими семейную и этническую память.

Ключевые слова

удмуртская культура, фольклор, традиция, личность, автобиографические песни, Мария Павловна Никонова, этнокультурная идентичность

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-20015, <https://rscf.ru/project/25-28-20015/>

Для цитирования

Анисимов Н. В., Пчеловодова И. В. Взаимодействие удмуртской фольклорной традиции и авторского творчества в песенной автобиографии Марии Павловны Никоновой // Сибирский филологический журнал. 2026. № 2. С. 22–38. DOI 10.17223/18137083/95/2

© Анисимов Н. В., Пчеловодова И. В., 2026

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2026. № 2. С. 22–38

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2026, no. 2, pp. 22–38

The interplay between Udmurt folk tradition and authorial creativity in the song autobiography of Maria Pavlovna Nikonova

Nikolai V. Anisimov¹, Irina V. Pchelovodova²

¹ Estonian Literary Museum
Tartu, Estonia

¹ Udmurt State University
Izhevsk, Russian Federation

² Udmurt Federal Research Centre
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Izhevsk, Russian Federation

¹ kyldysin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6060-3562>

² orimush@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5553-0100>

Abstract

This paper examines the folklore heritage of the Udmurt songwriter Maria Pavlovna Nikonova, whose works represent a unique synthesis of traditional cultural canons and individual artistic expression. Employing biographical, contextual, philological, and ethnographic methods, the study explores the interplay between folk roots and personal voice within the performer's "song autobiography." The research demonstrates that the canons of Udmurt folklore are strongly reflected in songs connected with rites of passage (weddings, military inductions, funerals) or those addressing universal themes such as separation, youth, and aging. These works draw on characteristic imagery (the sun, birds, trees, rivers) and structural devices (repetition, parallelism) typical of Udmurt folk poetics. In contrast, songs composed during the most difficult periods of Nikonova's life reveal a shift in which the personal perspective prevails over the traditional. These lyrics are marked by concrete documentary details names, geographical locations, and historical events that imbue the texts with individuality and evidentiary weight. By analyzing songs that span Nikonova's childhood, adulthood, and old age, the study illustrates the profound connection between her personal fate and the broader socio-cultural context of the twentieth-century Udmurt village. In conclusion, the folkloric heritage of Maria Nikonova, who will celebrate her 99th birthday in 2025, serves as a significant element of commemoration. Ultimately, the creative heritage of Maria Nikonova, soon to be 99 in 2025, functions as a key aspect of memorialization. It ensures the preservation of ethnic memory and underscores the importance of the individual in maintaining ethnocultural identity within a globalized world.

Keywords

Udmurt culture, folklore, tradition, personality, autobiographical songs, Maria Pavlovna Nikonova, ethnocultural identity

Acknowledgments

The study was supported by the Russian Science Foundation, grant no. 25-28-20015, <https://rscf.ru/project/25-28-20015/>

For citation

Anisimov N. V., Pchelovodova I. V. Vzaimodeystviye udmurtskoy fol'klornoy traditsii i avtorskogo tvorchestva v pesennoy avtobiografii Marii Pavlovny Nikonovoy [The interplay between Udmurt folk tradition and authorial creativity in the song autobiography of Maria Pavlovna Nikonova]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2026, no. 2, pp. 22–38. (In Russian) DOI 10.17223/18137083/95/2

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2026. № 2
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2026, no. 2

Введение

Удмуртская этнокультура, являясь частью общего культурного достояния России, обладает уникальным наследием. Однако неизбежные процессы глобализации и урбанизации приводят к угасанию и постепенной утрате ее этнокультурных традиций. Недостаток знаний о традиционной культуре и снижение интереса к изучению удмуртского языка, фольклора и обрядов приводят к эрозии этнокультурной идентичности, потере личности и в целом конкурентоспособности этноса, особенно в молодежной среде. Как показывает наша экспедиционная практика, этническое самосознание сегодня особенно возрастает среди людей среднего и старшего поколений. Именно в этом сообществе встречаются личности, выделяющиеся заметным творческим потенциалом, живой увлеченностью, харизмой, направленными на аккумуляцию и трансляцию культурного наследия своего этноса, микролокальной традиции в современных условиях.

Тема роли личности в традиционной культуре – одна из актуальных в современной фольклористике, о чем свидетельствуют опубликованные труды (см., например, [Ромодин, 2009; Обухов, 2013; Личность в культурной традиции 2014; Творческая личность в традиционной культуре, 2024]). В удмуртской фольклористике эта тема начала активно разрабатываться лишь в последние десятилетия [Стародубцева, 1999; Нуриева, 2005, Анисимов, Пчеловодова, 2020; Пчеловодова, 2020] и еще требует новых междисциплинарных исследований и сбора полевых материалов.

Цель представленной статьи – проанализировать творческое наследие одной из уникальных удмуртских песельниц Марии Павловны Никоновой в контексте ее личной судьбы и удмуртской традиции. Автобиографические песни, записанные от М. П. Никоновой в разные годы, отражают главные вехи ее жизни: детский период, взрослую жизнь и старость, а также рассказывают о судьбах членов ее семьи – детей и внуков. В контексте нашего исследования предпринята попытка выделить «традиционные» и «индивидуальные» черты, их взаимодействие и соотношение (близость / отдаленность от традиционного канона¹) в песенной автобиографии исполнительницы.

В исследовании применяются: биографический метод для установления связи фактов биографии с творчеством исполнительницы; контекстуальный анализ для рассмотрения песен в историческом, социальном и культурном контекстах удмуртской деревенской жизни на протяжении столетия, начиная с первой половины XX в.; филологический подход, применяемый для выявления поэтических образов и мотивов, а также для сравнения автобиографических песен с традиционными фольклорными текстами на основе сравнительно-сопоставительного метода; этнографический подход – использование экспедиционных материалов для подтверждения актуальности темы этнического самосознания и роли личности в сохранении традиций.

---

¹ Под традиционным канонам мы, вслед за С. Ю. Неклюдовым, понимаем «совокупность текстов народной культуры, передаваемых устным путем и никому специально не принадлежащих – ни определенному автору, ни отдельно взятому исполнителю... Важнейшие качества этих произведений обусловлены культурной монолитностью, консерватизмом идеологических традиций и социальных структур тех сообществ, в которых они бытуют» (Неклюдов С. Ю. Фольклор: типологический и коммуникативный аспекты // Электронный портал «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика». URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov15.htm> (дата обращения 03.06.2025)).

Мария Павловна Никонова, 2020 г. Фото Н. В. Анисимова
Maria Pavlovna Nikonova, 2020. Photo by N. V. Anisimov

Мария Павловна Никонова (Стахеева) родилась 12 декабря 1926 г.² в д. Нижняя Малая Салья (удм. *Нӧднюк*) Киясовского района Удмуртской Республики в большой и дружной крестьянской семье³. М. П. Никоновой пришлось прожить непростую, полную лишений и испытаний жизнь, ярко отразившуюся в ее творчестве – песнях и стихах, а также в личных дневниках, которые она вела с 1980-х гг.⁴ Женщина признается, что сама не сочиняла музыку к своим песням, а брала из народных, авторских произведений или тех, что она когда-то услышала от других или во сне. Создание стихов и песен она относит к особому искусству, которое далеко не всем дано, и это отражено в ее текстах: *Кылбур но пӧрмоз меда но, кыр(ы)жан но пӧрмоз меда? / Верано кыл(ы)ёсме вераны быгато меда?* («И стихотворение сложится ли да, и песня сочинится ли? / Смогу ли высказать свои думы?») (Никонова, 2024, с. 24).

Песни, близкие к традиционному канону

В центре повествования песни *Тулкымъяське, тулкымъяське Енисейлэн вуэз...* («Волнуются, волнуются воды Енисея...») находится история любви удмуртской девушки⁵ и русского юноши, чей брак символизирует традиционные семейные

² В 2026 г. Марии Павловне исполнится 100 лет.

³ Всего в семье Стахеевых было девять человек: бабушка (мачеха отца) Такан (1867–1933), отец Павел Игнатьевич Стахеев (1889–1976), мать Анна Григорьевна Стахеева (1887–1933), старший брат Егор Павлович Стахеев (1911–1940), старшая сестра Афанасья Павловна Стахеева (1915–2005), брат Анатолий Павлович Стахеев (1920–1941), сестра Ирина Павловна Стахеева (1922–1934), сестра Лукерья Павловна Стахеева (1925–1998) и сама Мария Павловна.

⁴ Личные дневники М. П. Никоновой собраны и опубликованы удмуртским фольклористом Н. В. Анисимовым (Никонова, 2024).

⁵ В образе удмуртской девушки выступает дочь Марии Павловны – Антонина.

ценности. Основой для нее послужила песня *Тулкымъяське, тулкымъяське Тодьы Камлэн вуэз...* («Волнуются, волнуются воды реки Камы...») на слова удмуртского поэта Айво Иви:

*Тулкымъяське, тулкымъяське Енисейлэн вуэз,
Солэн мыд-мыд пал ярдураз Красноярск городэз.**

*Отын улэ удмурт нылаш, чебер, веськрес мугоро.
Чайков политех техникум дипломен со мынэмын.**

*Шулдыр сяськаё шур дурын гожтійськон корказы,
Отын удмурт нылаш воштіз астэсьтыз нимтулэз.**

*Гожтійсь зеч кыл верам бере, ныллэн но, пилэн но
Анай-атайёс өм ворме потісь синьвуосмес.**

*Удмурт нылашен зуч пиен ваче синьмаськизы,
Улон сюрессэс огиньын орччатын малпазы.*
(с. 474)⁶*

Волнуются, волнуются воды Енисея,
По обеим ее берегам город Красноярск.*

Там живет удмуртская девушка, красивая, стройная.
С дипломом Чайковского политехнического техникума она прибыла [сюда].*

У цветущих берегов реки зал бракосочетания,
Там удмуртская девушка сменила свою фамилию.*

После благопожеланий регистрирующего,
Мы, родители девушки и юноши, не смогли сдержать слез.*

Удмуртская девушка и русский парень полюбили друг друга,
Свой жизненный путь они решили соединить*⁷.

Язык песни сочетает поэтические образы («волнуются воды Енисея», «красиво цветущие берега») с простыми, разговорными выражениями («с дипломом она прибыла [сюда]») – лиризм переплетается с повседневной речью, что делает песню близкой для широкой аудитории.

В песне традиционные фольклорные образы гармонично сочетаются с современными реалиями. Так, удмуртская девушка, сохраняя традиционные черты героини («красивая, стройная»), наполняется современными характеристиками, подчеркивающими ее образованность («С дипломом Чайковского политехнического техникума она прибыла [сюда]») и самостоятельность. Авторской интерпретацией можно обозначить акцент на межнациональном браке: несмотря на то что русский юноша менее детализирован в песне, в контексте изложения он играет важную роль в создании межнационального союза. Река Енисей и город Крас-

---

⁶ С оригиналами на удмуртском языке и нотными примерами можно ознакомиться в издании (Никонова, 2024) или онлайн: <https://folklore.ee/sator/sator-25>. Издание снабжено QR-кодами, в числе которых аудиозаписи публикуемых в настоящей статье удмуртских песен. Здесь и далее тексты М. П. Никоновой цитируются по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках. Знаком «звездочка» обозначен повтор поэтической строки.

⁷ Все переводы поэтических текстов на русский язык выполнены авторами статьи и публикуются впервые.

ноярк задают географический фон, который указывает место действия и добавляет песне черты реалистичности.

Следующая песня в этнокультурном контексте отражает обряд проводов в армию, который сопровождался напутствиями и песнями, укрепляющими моральный дух солдат и связь с домом ⁸:

*Ми тйледыз армие келяськомы,
Тй милемыз возьманы мынйськоды.
Кудды шундыжсужанэ, кудды шундыпуксёнэ,
Кудды кезьыт уйпала, кудды пось лымишоре.*

*Ми тйледлы оскыса уломы,
Пеймыт уйёсмес гянь-гань изёмы.
Тй мыныса умой служить кароды,
Милемыз возьытэ уд уськытэлэ.**

*Эн вунэтэ анайдэс-атайдэс,
Эн вунэтэ вордйськем гурттэс.
Эшишо но эшишо но эн вунэтэ,
Огындын шудэм, дышетйськем эшгёстэс.**

*Ми тйледыз дорамы возьмаломы,
Тй милемыз сюдыны бертоды.
Кудды шундыжсужанйсь, кудды шундыпуксёнйсь,
Кудды кезьыт уйпалась, кудды пось лымишорись.**

*Миша шундыжсужанэ, Игорь шундыпуксёнэ,
Сергеен Ёргиен – лэсьтйськонэ.
(с. 472).*

Мы провожаем вас в армию,
Вы идете нас защищать.
Кто-то на восток, кто-то на запад,
Кто-то на холодный север, кто-то на жаркий юг.

Мы будем верить и надеяться на вас,
Темными ночами спокойно будем спать.
Уходя, вы будете служить хорошо,
Нас не посрамите.*

Не забывайте своих родителей,
Не забывайте родную деревню.
Еще и еще не забывайте
Своих друзей, с кем вместе играли, учились.*

Мы будем ждать вас дома у себя,
Вы вернетесь нам помогать.
Кто-то с востока, кто-то с запада,
Кто-то с холодного севера, кто-то с жаркого юга.*

Миша на восток, Игорь на запад,
Сергей с Георгием – на стройку.

---

⁸ Песня была сочинена М. П. Никоновой в честь ухода сына Игоря в армию.

Текст песни построен в типичной для фольклорных произведений форме с повторами и простыми ритмическими конструкциями. Мотив-призыв не забывать родителей, родную деревню и друзей, мотивы благополучного возвращения домой подчеркивают важность корней, коллективной взаимопомощи и идентичности, что характерно для текстов рекрутских напевов. Перечисление сторон света (восток, запад, север и юг), с одной стороны, подчеркивает размах службы и разные судьбы солдат, с другой – отражает народные представления о единстве мира. В традиционной культуре и мифологии стороны света нередко имели сакральное значение, связанное с порядком мира, жизненным циклом и судьбой человека. Посредством этих образов песня наделяет службу солдат особым смыслом, представляя их как хранителей этого порядка.

Упоминание имен в последней строфе текста песни (Миша, Игорь, Сергей, Георгий) и «стройки» придает ей индивидуальный колорит, говоря о реальных личностях и историческом контексте, а именно о советских стройбатах, в которых военная служба включала трудовые задачи.

Яркий пример похоронных и обрядовых проводных напевов (невесты, солдата) в удмуртской культуре представляет текст лирической песни, наполненной трагизмом в связи со смертью внучки Алены в автокатастрофе в 2003 г.:

*Ӗркемей шурлэн дурьёсаз вож бадьпуос будыло,
Со бадьпуослэн йыл(ы)ёсазы чуж учёюс чыр(ы)дыло.**

*Учы чыр(ы)дэм куараос гурт выльёсыз шул(ы)дырто,
Жоже усем анай-атайёслэсь сюлэмёссэс чигтыло,
Жоже усем анай-атайёслэсь сюлэмёссэс чигыло.*

*Чук-чук шуэ чукна учы, вож бадьпуэ пуксьыкуз,
«Ой, ой» шуэ анай-атай вордэм нылпилэсь люкиськыку.**

*Усьтэ али гуль бакчадэс, гуль аэзымтэ мед аэзоз,
Эн бёрд али сюл(ы)мыкае, мурт аэзонэз уд аэзы.*
(с. 476)*

По берегам реки Эркемей растут зеленые ивы,
На верхушках этих ив поют золотистые (букв.: желтые) соловьи.*

Соловьиные трели радостно льются над деревней,
Сердца опечалившихся родителей разбивая.*

Щебечет-поет утром соловей, садясь на зеленую иву,
«Ой, ой», – говорят мать с отцом при расставании с родным ребенком.*

Отворите-ка свой палисадник, не видевший роз пусть [их] увидит,
Не плачь мое сердечко, чужое горе не испытаеть.*

Возгласы «Ой, ой» и акцент на родительской скорби сближают данный текст с причитаниями, которые сопровождали похороны или проводы, особенно когда утрата касалась молодых людей [Анисимов, 2017, с. 218]. Подобные тексты широко распространены в южноудмуртском песенном фольклоре, что, вероятно, определило выбор Марией Павловной именно этих мотивов и образов для выражения своих внутренних эмоций в песне.

Структура песни, типичная для фольклорных текстов, опирается на повторы и параллелизмы, которые усиливают ее эмоциональное воздействие. Так, содер-

жание песни строится на контрасте между гармонией природы и человеческим горем. Образы реки Эркемей, зеленых ив и поющих на их верхушках золотистых соловьев, создают идиллический пейзаж, на фоне которого усиливается человеческое страдание – скорбь родителей, для которых потеря ребенка – тяжелейший удар. Финальная строфа с ее утешительным тоном отражает фольклорную практику сочетания скорби с надеждой, что в данном случае может быть попыткой смягчить боль утраты, сохраняя светлый образ погибшей.

Песенные образы, построенные на характерном для фольклорной традиции приеме художественного параллелизма, объединяющего человеческие чувства с миром природы, встречаются также в песнях Марии Павловны, отражающих разлуку матери с подросшими детьми:

*Ой, будэтъяй, будэтъяй вал веськрес гынэ бадяр кадъ,
Будыса, будыса люкиськиды тылобурдо ни сяин.*

*Тылобурдо лобзылэ но, ваньмыз огине пуксе,
Асьмеос бон табырезэ ку огине луом на?*

*Пичи дыр(ы)яды бёр(ы)дйды, “анай, ноно!” шуыса,
Мон тйледыз лйятылй ал вылам нонтылыса.*

*Мон табырезэ бёрдйсько “кызы улом?” шуыса,
Тй бон шедьтоды-а меда монэ лйятыны зеч кылъёс?*

*Монэ лйятын зеч кылъёс может тй шедьтоды но,
Буйгалоз на меда мынам та жсожжемем сюлэмы?*

(с. 494)

Ой, растила, растила было, словно стройный клен,
Вырастая-подрастая, вы разлучились, словно птенцы.

Птицы улетают, да все снова слетаются вместе,
Когда же мы теперь будем снова вместе?

В детстве вы плакали, «Мама, хочу [грудь] сосать!» говоря,
Я утешала вас, кормя грудью.

А теперь я плачу, «как стану жить?» вопрошая,
Найдете ли вы добрые слова, чтобы утешить меня?

Меня утешить добрые слова, может, и найдете,
Успокоится ли этим мое опечаленное сердце?

В тексте стройный клен символизирует молодость и здоровье детей, птенцы – их взросление и уход из родного дома. В отличие от птиц, которые возвращаются, люди не всегда могут воссоединиться, что усиливает драматизм ситуации. В традиционной культуре материнская любовь и разлука – частые мотивы песенных текстов⁹. Мать здесь – архетип, символизирующий заботу и жертвенность, а уход детей отражает естественный, но в то же время наполненный скорбью жизненный цикл.

---

⁹ Подобные мотивы характерны для напевов, сопровождающих в традиционной удмуртской культуре свадебные обряды и ритуалы проводов на военную службу (см., например, [Владыкина, 1997; Пчеловодова, 2013; Анисимов, Пчеловодова, 2024]).

Диалогичность, выраженная в вопросах матери к детям, усугубляет драматизм, а простой, близкий к разговорной речи язык («хочу [грудь] сосать») делает текст искренним, отражая личные чувства в рамках коллективной культуры.

В следующих песнях раскрываются универсальные человеческие переживания, связанные с процессом старения, утратой физических и душевных сил, а также с ностальгией по ушедшей молодости:

*Ой, синьёсы, синьёсы кыдѣкись азъиськоды вал.
Пумиськыса сяна адямиез уд тодмаське ни.**

*Ой, киёсы, зарни киёсы, мар ужез но ђд ужалэ вал,
Синьёсы уг азъыло но, тій но уд ужаське ни.**

*Эх, пельёсы, котъмае ик кылійськоды вал ук но,
Куараосыз кылійськоды, вераськемез уд валаське.**

*Эх, пыдъёсы, куамын-нильдон иськемез кӧня лёгады.
Ниль сю мет(ы)розь ветлійсько, со(й)излы но шумпотійсько.**

*Эх, сюлэмы, семья вань(ы) д(ы)рыя чик уд мӧзмиськы вал но.
Урамын но огнам, коркаам но огнам, калыклэсь мӧзмиськод, сюлэмы.*
(с. 522)*

*Ой, глаза мои, глаза мои, вы издалека все видели.
Только приблизившись, узнаете человека [теперь].**

*Ой, руки мои, золотые руки мои, какую только работу не выполняли,
И глаза мои не видят больше, и вы не работаете больше.**

*Эх, уши мои, чего только вы не слышали да ведь,
Голоса слышите, разговора-речи не понимаете.**

*Эх, ноги мои, тридцать-сорок верст сколько обходили.
Прохожу по сорок метров и этому радуюсь.**

*Эх, сердце мое, живя с семьей нисколько не тосковало было да.
И на улице одна, и дома одна, скучаешь по людям, сердце мое.**

Культурный контекст песни отчетливо указывает на ее принадлежность к народному фольклору, где лирические произведения служат способом выражения коллективных и личных переживаний. В центре песни – поэтическое осмысление угасания человеческого тела и души, выраженное через обращение к глазам, рукам, ушам, ногам и сердцу.

Вместе с тем песня выходит за рамки локального удмуртского контекста, приобретая универсальное значение, так как становится не только выражением личной скорби, но и философским размышлением о природе времени и человеческого существования, понятным людям разных эпох и традиций.

Лирико-философский текст, размышляющий о течении времени, цикличности жизни и человеческой судьбе, представлен и в другой песне:

*Їукна зар(ы)ни шунды жсужа, шудо нунал вордїське,
Нунал ортче, шунды пуксе, кытын ке шунды жсужа.*

*Нунал бӧр(ы)сьы нунал ортче, сизьым(ы) нунал – ог арня,
Арня бӧрсьы арня ортче, куамын нунал – ог толэзь.*

*Толэзэ бөр(ы)ссы толэзэ ортче, дас кык толэзэ – одйг ар,
Одйг арын ныл(ы)ни будэ, мй калык арез пересыме.*

*Аръёс бёрссы аръёс орччо, дас пол дас – сю ар, даур,
Сю ар, даур шер мурт улэ, пересымытозь улон секыт,
Сю ар, даур шер мурт улэ, пересымыса улон секыт.*

*«Укмыстон вить аресозь ул», – шуо, «сю аресозь ул», – шуо,
Тазалыке луысал ке, сю ар соглаш улыны.*

*Арлэн ниль пёртэм дыръёсыз, котькуд дырыз туж шулдыр,
Та шулдыр югыт дуннелэсь чыдыса люкиськод-а?*

*Тау вордэм нылтислы, вожен-вожен юрттыло,
Соос пöлысь Роза нылылы ваньмызлэсь секыт лыктэ.*
(с. 486)*

Утром солнце золотое восходит, рождается счастливый день,
День проходит, солнце заходит, [а] где-то солнце всходит.

День за днем проходит, семь дней – одна неделя,
За неделей проходит неделя, тридцать дней – один месяц.

Месяц за месяцем проходит, двенадцать месяцев – один год,
За один год дети подрастают, пожилые [же] за год стареют.

Годы за годами пролетают, десять по десять – сто лет, век,
Сто лет, век редко кто живет, до старости прожить непросто,
Сто лет, век редко кто живет, состарившись, жизнь тяжела.

Говорят: «до девяноста пяти лет живи», говорят: «до ста лет живи»,
Если бы было у меня здоровье, то согласна жить до ста лет.

У года четыре разных времен года, каждое время очень красивое,
В силах ли будешь расстаться с этим красивым светом?

Спасибо родным детям, сменяя друг друга, помогают,
Из них дочери Розе приходится труднее всех*.

Песня выстраивается вокруг идеи времени как непрерывного и неизбежного процесса. Ее мотивы, берущие корни в традиционной удмуртской культуре, отражают мировоззрение, в котором природа, семья и жизненный цикл занимают центральное место.

Структура песни опирается на традиционные фольклорные приемы, такие как повторы и параллелизм, которые придают тексту ритмичность и облегчают его восприятие в устной форме. Использование эпитетов («солнце золотое», «красивый свет») и числовых конструкций («семь дней – одна неделя», «десять по десять – сто лет») также отсылает к связи с устной традицией [Владыкина, 1997, с. 82; 2018, с. 144–154].

Лишь в последней строфе, в которой звучит мотив благодарности детям, особенно дочери Розе, вносит личный характер в текст песни, отражая ценность семейных отношений носителя культуры¹⁰.

---

¹⁰ В настоящее время Мария Павловна живет с дочерью Розой, которая ухаживает за ней.

Песни, отражающие личностное начало

Этот раздел составили песни, отражающие наиболее тяжелые периоды в жизни Марии Павловны, с чем, видимо, и связана их особая эмоциональность. Этим же объясняется превалирование личностного ракурса над традиционным.

Тяжелое детство Марии Павловны нашло отражение в тексте песни *Кикы пузаса кельтымтэ...* («Не кукушка отложила яйца...»), в которой она подробно описывает все тяготы своей семьи, столкнувшейся с горем, утратой и лишениями¹¹:

*Кикы пузаса кельтымтэ, учы пукыса поттымтэ.
Нэнэен-атай вордйллям, кикы сяин улыны кылим.*

*Виль коркасьтымы поттйзы, пыд йыламы кельтйзы.
Куать нылпийэ анай-атай мурт дорын улыны кылим.*

*Секыт кайгулы чидатэк, нэнэ улонысь кошкыз.
Куать кузя вордэм нылпизэ тэльмырыны со кельтйз.**

*Агайлы кызь кык арес, атаен събрло кошкызы.
Апайлы дас тямыс арес, вын-сузэръёссэ утьын кылиз.*

*Нянь пыжсыны пизьмы ёвёл, апай пот пизьлэсь көмеч пыжсьлйз.
Атаен-агаен пичи пизь вайылйзы, шыдэ поныны шуса.*

*Атай бертыса, ыж гидез корка лэсьтыса кельтйз.
Отын ниль кузя улймы: апай, пичагай, Лукерья но мон.*

*Агай кокшиз Ож заводэ, атай кышно вылэ пыриз,
Кык пичиесьсэ нильёссэ дораз улыны нуиз.*

(с. 518)

Не кукушка отложила яйца, не соловушка их отсиживал.
Вырастили [нас] мать с отцом, [но] остались [мы] жить словно кукушка.

Из нового дома нас выселили, оставили бездомными.
Родители с шестью детьми остались жить у чужих.

Не выдержав тяжелого горя, матушка скончалась.
Своих шестерых детей она оставила горевать.*

---

¹¹ Детство Марии Павловны омрачилось раскулачиванием 1931 г., официально именуемым «спецвысылкой»: семью отправили в Пермский край, где поселили в старом бараке. Смерть матери в 1933 г. и сестры Ирины в 1934 г. оставила детей сиротами. Отец со старшим сыном находились вдали, на подработке. Вернувшись осенью, отец обустроил под жильё овчарню, но вскоре у семьи отобрали все имущество: дом, амбар, ритуальную постройку *куала*, овин, сушилку и др.

Отец, работая батраком в д. Кузубаево Алнашского района, познакомился с одинокой женщиной Надеждой и перевез туда младших дочерей Марию и Лукерью, оставив старших детей Афанасью и Анатолия в родной деревне Нижняя Малая Салья Киясовского района. Старший брат Егор уехал работать на завод в г. Ижевск. В 1935 г. сестра Афанасья вышла замуж, а брат Анатолий в 15 лет остался один, подрабатывал пастухом. Мария и Лукерья, тяжело переживая разлуку с братом, каждое лето преодолевали пешком 40–50 км, чтобы вернуться в родную деревню и повидаться с братом.

Брату [было] двадцать два года, они с отцом уехали на чужбину.
Сестре [было] восемнадцать лет, она осталась воспитывать сестер-братьев.

Не [было] у нас муки для выпечки хлеба, сестра пекла сочни
из лебедовой муки.

Отец с братом приносили понемногу муки, чтобы в суп добавить.

Вернувшись, отец перестроил овчарню в жилой дом.
Там жили вчетвером: сестра, младший брат, Лукерья и я.

Старший брат уехал [работать] на Ижевский завод, отец стал жить
с новой женой,

Двух младших дочерей привез к себе жить.

Очевидная биографичность песни повлияла на соответствующий выбор образов, в которых, наряду с традиционными, нашли отражение личные взгляды исполнительницы. Так, семантика традиционных для удмуртской лирики образов птиц – кукушки и соловья, раскрывает философскую константу горя. Наиболее выразителен в данном контексте образ кукушки, символизирующий в песенном фольклоре одиночество и отчуждение, подчеркивая участь детей, лишенных родительской защиты.

Индивидуальный аспект в тексте песни принимает образ старшей сестры, взявшей на себя роль матери. Песня является также отражением реалий удмуртской деревенской жизни первой половины XX в., когда бедность, миграция и социальные изменения разрушали традиционный уклад. Лебедовая мука – символ крайней нищеты, указывающий на отчаянные меры выживания. Овчарня, перестроенная в дом, отражает попытку восстановить утраченное, но также напоминает о ее тщетности. Образ Ижевского завода как конкретного места добавляет реалистичности, связывая песню с индустриальной эпохой и миграцией рабочей силы.

Но в отличие от лирических песен, сосредоточенных на личных переживаниях, это произведение ближе к повествовательным балладам, последовательно описывающим конкретные события и их последствия. Упоминание конкретных деталей (возраст персонажей, названия мест) придает тексту черты реальности и достоверности. Повествование в тексте ведется от лица одного из участников, а именно девочки Марии, что создает ощущение личной вовлеченности. Песня не предлагает утешения, но ее повествование становится актом памяти, сохраняющим для будущих поколений историю семьи сквозь призму личных переживаний Марии Павловны.

Следующая песня является, на наш взгляд, одной из самых эмоциональных автобиографических песен из репертуара М. П. Никоновой:

*Ми анайтэк туж пичишсен кылымы но,
Атай серы мыныса, кудёкын будйм.
Мбзмиськеммы, дыр, ини – куамын-нильдон иськемез
Туж пичишсен пыдын адзиськын бертылым*¹².

*Ныл(ы) рад но луи но, бизем но яськи но,
Арлы быдэ нылти вайыса, кадыре быриз,*

¹² В данном тексте последние две строчки каждой строфы повторяются два раза (ABCD|CD).

*Ачим вури, миськи, кышъяй, черсй, керттй,
Ужаны но ветлй, кызбы меда ваньмаз вуиськем?*

*Милемлы ой вал кутэт(ы), милемлы ой вал ыштан,
Дйськутьёссэс арнялы огпол вошъямы.
Гырпумын но кышьет вал, пидэсын но кышьет вал,
Кымысьёсазы гынэ кышьетьёссы медам лу.*

*Нылпи вуттйськом, кожам, юртъер лэсьтйськом, кожам,
Ужез ужаса быдтйськом, кожам.
Уй-нунал ортче, кожам, аръёс ортчо, кожамы,
Озы орчиллям милям дауръёсмы.
(с. 462)*

Мы с очень малых лет остались без матери да,
Следуя за отцом, выросли вдали [на чужбине].
Соскучились уж, видимо, [настолько, что] тридцать-сорок километров
С очень малых лет пешком повидаться возвращались.

И девушкой да стала, и замуж-то вышла,
Каждый год рожая детей, девья краса моя угасла.
Сама шила, стирала, зашивала, пряла, вязала
И на работу ходила – как же все успевала-то?

Для нас не было пеленок, для нас не было штанов,
Мы меняли их одежду (детей. – *Н. А., И. П.*) раз в неделю.
И на локтях были заплатки, и на коленях были заплатки,
Лишь на их лбах заплаток пусть не будет.

Детей растим, казалось, строим жилье, казалось,
Работу завершаем, казалось.
Дни проходят, казалось, годы пролетают, казалось.
Так и прошли нашей [жизни] века.

Реалистичные картины рождения и воспитания детей, изнуряющего труда описывают борьбу за существование в условиях крайней бедности в годы ее замужества¹³. Повторение действий усиливает ощущение рутины, а вопрос «как же все успевала-то?» отражает, с одной стороны, смирение перед судьбой, с другой – удивление человеческим возможностям. Редкая смена одежды и наличие заплаток на одежде – конкретные образы, подчеркивающие скудность ресурсов того периода. Заплата в данном контексте выступает символом изношенности жизни и попытки сохранить целостность своей человеческой природы, как духовной, так и физической.

Финал песни построен на трех ключевых мотивах, отражающих характер времени: созидательной деятельности («Детей растим, казалось, строим жилье, казалось, / Мы работу заканчиваем, казалось»), течения времени («Дни проходят, казалось, годы пролетают, казалось») и неизбежного итога («Так и прошли нашей [жизни] века»). Повтор слова «казалось» создает особый ритм и вносит оттенок

---

¹³ В 1949 г. Мария Павловна вышла замуж, но через год брак распался. В 1953 г. она встретила Виктора Алексеевича Никонова, своего будущего мужа, в браке с которым родила шестерых детей: Владимира, Розу, Антонину, Игоря, Эвелину и одного ребенка, умершего в младенчестве от менингита. В 1993 г. муж умер.

иллюзорности, что часто встречается и в фольклорных текстах для передачи зыбкости жизни, ее предопределенности.

Заключение

Творчество Марии Павловны Никоновой представляет собой уникальный пример взаимодействия традиционных удмуртских канонов с индивидуальным авторским подходом. Ее песни, основанные на автобиографических мотивах, отражают не только личную судьбу, но и исторический, социальный и культурный контексты удмуртской деревенской жизни на протяжении столетия, начиная с первой половины XX в. Через простые, но выразительные образы и близкий к разговорной речи язык Мария Павловна передает универсальные темы – расставания, утраты, тоски, стойкости, семьи, любви, быстротечности времени, которые находят отклик как в удмуртской, так и в мировой культуре.

Анализ ее песен показывает, как личный опыт (детские лишения, трудности взрослой жизни, материнская любовь, трагедии и старость) переплетается с фольклорными мотивами (природа, жизненный цикл, материнство, традиционные ценности, этические нормы). Использование традиционных образов (солнце, птицы, деревья, река) и структур (повторы, параллелизмы) демонстрирует тесную связь с удмуртским песенным фольклором, в то время как конкретные детали (имена, географические названия, события) придают текстам индивидуальность и документальную ценность. Проведенное исследование позволило выявить, что каноны удмуртской фольклорной традиции нашли отражение в песнях, которые близки к обрядовым ситуациям перехода (свадьба, проводы в армию, смерть – это песни о судьбах детей и внуков) или отражают универсальные традиционные мотивы (например, мотивы расставания, прошедшей молодости и наступившей старости). Песни, связанные с наиболее тяжелыми периодами в жизни Марии Павловны, показывают превалирование личностного ракурса над традиционным.

Мария Павловна Никонова – яркий пример творческой личности, чье наследие способствует сохранению удмуртской этнокультурной идентичности в условиях глобализации. Ее роль как хранителя и транслятора удмуртской культуры неопределима. Творчество Марии Павловны, включающее помимо песен стихи и дневники, служит мемориальным текстом, сохраняющим семейную и этническую память сквозь призму личности. Песенная форма, воспринимаемая в удмуртской традиции как наиболее ценное и вечное выражение чувств, усиливает значимость ее произведений. Несмотря на простоту и кажущуюся наивность, песни М. П. Никоновой обладают впечатляющей эмоциональной силой и философской рефлексией, что позволяет вписать их в широкий этнический контекст и делает объектом интереса для фольклористов, этнографов и других исследователей культуры.

Список литературы

Анисимов Н. «Диалог миров» в матрице коммуникативного поведения удмуртов. Тарту: Uni. of Tartu Press, 2017. 386 с.

Анисимов Н. В., Пчеловодова И. В. Исполнитель и традиция: феномен в сохранении и передаче культурного наследия удмуртов // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. № 3. С. 418–433.

Анисимов Н. В., Пчеловодова И. В. Песни закамских удмуртов. Ижевск, 2024. 544 с. (Удмуртский фольклор; вып. 1)

Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 356 с.

Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклорный миротекст: образ, символ, ритуал. Ижевск: МонПоражён, 2018. 298 с.

Личность в культурной традиции. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2014. 432 с.

Нуриева И. М. Кубыз / кубызчи в межнациональном контексте культур // Музыкант в культуре: концепции и деятельность. СПб.: РИИИ, 2005. С. 46–50.

Обухов А. С. Построение исследования человека в контексте традиционной культуры: проблемы и методы работы в экспедиционных условиях // Исследователь / Researcher. 2013. № 3–4. С. 8–32.

Пчеловодова И. В. Удмуртская песенная лирика: от мотива к сюжету. Ижевск, 2013. 164 с.

Пчеловодова И. В. Узыгумычи в удмуртской традиционной культуре: феномен исполнительской личности // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2020. № 1 (8). С. 120–126.

Ромодин А. В. Человек творящий. Музыкант в традиционной культуре. СПб.: Ин-т истории искусств, 2009. 288 с.

Стародубцева С. В. Ох, распечальное моё сердечко (песни из репертуара Натальи Власовой). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. 226 с. (Русский фольклор Удмуртии; вып. 1)

Творческая личность в традиционной культуре: Материалы VIII Международной Школы молодых фольклористов. СПб., 2024. 216 с.

Список источников

Никонова М. П. «Улон – питыран, сюлэм – пияла...»: одйг удмурт кышно-муртлэн дауръем улон сюресэз («Жизнь – колесо, сердце – стекло...»: вековой жизненный путь одной удмуртской женщины). Тарту: ЭЛМ, 2024. 586 с.

References

Anisimov N. “*Dialog mirov*” v matrice komunikativnogo povedeniya udmurtov [“Dialogue of worlds” in the matrix of Udmurt communicative behavior]. Tartu, Uni. of Tartu Press, 2017, 386 p.

Anisimov N. V., Pchelovedova I. V. Ispolnitel’ i traditsiya: fenomen v sokhraneni i peredache kul’turnogo naslediya udmurtov [Performer and tradition: a phenomenon in the preservation and transmission of Udmurt cultural heritage]. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2020, no. 3, pp. 418–433.

Anisimov N. V., Pchelovedova I. V. *Pesni zakamskikh udmurtov*. [Songs of the Eastern Udmurts]. Izhevsk, 2024, 544 p. (Udmurtskiy fol’klor [Udmurt Folklore], iss. 1).

Lichnost’ v kul’turnoy traditsii [Personality in cultural tradition]. Moscow, Gos. institut iskusstvovznaniya, 2014, 432 p.

Nuriyeva I. M. Kubyz/kubyzchi v mezhnatsional’nom kontekste kul’tur [The Kubyz / Kubyzchi in the Interethnic Context of Cultures]. In: *Muzykant v kul’ture: kontseptsii i deyatel’nost’* [Musician in culture: concepts and activities]. St. Petersburg, RII, 2005, pp. 46–50.

Obukhov A. S. Postroenie issledovaniya cheloveka v kontekste traditsionnoy kul’tury: problemy i metody raboty v ekspeditsionnykh usloviyakh [Construction of human

research in the context of traditional culture: problems and methods of work in expeditionary condition]. *Researcher*. 2013, no. 3–4, pp. 8–32.

Pchelovedova I. V. *Udmurtskaya pesennaya lirika: ot motiva k syuzhetu* [Udmurt song lyrics: from motif to plot]. Izhevsk, 2013, 164 p.

Pchelovedova I. V. Uzygyumychi v udmurtskoy traditsionnoy kul'ture: fenomen ispolnitel'skoy lichnosti [Uzygyumychi in Udmurt traditional culture: the phenomenon of the performing personality]. *Historical and cultural heritage of the Ural-Volga region peoples*. 2020, no. 1(8), pp. 120–126.

Romodina A. V. *Chelovek tvoryashchiy. Muzykant v traditsionnoy kul'ture* [The creative person: Musician in traditional culture]. St. Petersburg, Institute of Art History, 2009, 288 p.

Starodubtseva S. V. *Okh, rospеchal'noe moyo serdechko (pesni iz repertuara Natali Vlasovoy)* [Oh, my sorrowful heart (Songs from the repertoire of Natalia Vlasova)]. Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language, and Literature, 1999, 226 p. (Russkiy fol'klor Udmurtii [Russian Folklore of Udmurtia], iss. 1)

Tvorcheskaya lichnost' v traditsionnoy kul'ture. Materialy VIII Mezhdunarodnoy shkoly molodykh fol'kloristov [Creative personality in traditional culture. Proceedings of the 8th International School for Young Folklorists]. St. Petersburg, 2024, 216 p.

Vladykina T. G. *Udmurtskiy folklor: problemy zhanrovoy evolyutsii i sistematiki* [Udmurt folklore: problems of genre evolution and classification]. Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature, 1997, 356 p.

Vladykina T. G. *Udmurtskiy fol'klorny mirotekst: obraz, simbol, ritual* [Udmurt folklore world-text: image, symbol, ritual]. Izhevsk, MonPorazhyon, 2018, 298 p.

List of sources

Nikonova M. P. “Ulon – pityran, syul-em – piyala...”: odüg udmurt kyshnomurtlen daur” yem ulon syuresez [“Life is a Wheel, Heart is a Glass...”: A Century-Long Life Path of One Udmurt Woman]. Tartu, ELM, 2024, 586 p.

Информация об авторах

Николай Владимирович Анисимов, PhD, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклористики Эстонского литературного музея (Тарту, Эстония); доцент кафедры удмуртской литературы и литературы народов России ИУФФУиЖ Удмуртского государственного университета (Ижевск, Россия)

Scopus Author ID 57203168819

WoS Researcher ID G-1070-2019

Ирина Вячеславовна Пчеловодова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН (Ижевск, Россия)

Scopus Author ID 60110552

WoS Researcher ID AAM-8971-2021

Information about the authors

Nikolai V. Anisimov, PhD, Candidate of Philology, Senior Research Researcher, Department of Folkloristics, Estonian Literary Museum (Tartu, Estonia); Associate Professor, Department of Udmurt Literature and Literature of the Peoples of Russia Institute of Udmurt Philology, Finno-Ugric Studies and Journalism, Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation)

Scopus Author ID 57203168819

WoS Researcher ID G-1070-2019

Irina V. Pchelovodova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russian Federation)

Scopus Author ID 60110552

WoS Researcher ID AAM-8971-2021

*Статья поступила в редакцию 04.06.2025;
одобрена после рецензирования 03.12.2025; принята к публикации 03.12.2025
The article was submitted on 04.06.2025;
approved after reviewing on 03.12.2025; accepted for publication on 03.12.2025*